НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXX № 7 Июль, 1954 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ ДОКУМЕНТЫ

М. ДРОЗДОВА

★

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ

ЧЕХОВ В МЕЛИХОВЕ

Первое моё знакомство с А. П. Чеховым произошло в 1895 году. Сперва я познакомилась с его сестрой, Марией Павловной, на вечерних классах рисования в Строгановском училище. Я только что приехала в Москву из Курской губернии, из глуши, и хотя мне было уже 24 года, я всё была очень застенчива. Мария Павловна каждый вечер, выходя вместе со мной из школы, приглашала меня попить чаю. Но я не шла.

В один из вечеров Мария Павловна почти силком потащила меня к себе, предупредив, что у неё никого не будет. Но потом она сказала: «Неужели вы не хотите познакомиться с моей семьёй? Ведь мой брат — знаменитый писатель». И прибавила: «Вы читали Чехова? Это и есть мой брат».

Предстоящая встреча с автором «Палаты № 6», рассказа, который произвёл на меня очень сильное впечатление, меня так смутила, что и в этот раз я к ней не пошла. Я решилась на это позднее, лишь уверившись, что вся её семья со знаменитым братом живёт не в Москве, а под Москвой, в деревне Мелихово.

После долгих колебаний я решилась поехать в Мелихово. Помню холодный осенний вечер, когда мы с Марией Павловной взяли билеты третьего класса до станции Лопасня Курской железной дороги. Было начало ноября. После двухчасовой езды мы, пройдя пропахшую махоркой станционную комнатку, вышли на крыльцо, у которого нас уже ждал кучер Роман; он стоял в тёмном армяке около плетёного одноконного тарантасика.

Свежесть осеннего вечера, хмурое холодное небо, чёрный силуэт кучера, невылазная грязь глинистой почвы, покой и тишина — вот первое, что навсегда запомнилось мне об этой поездке. До Мелихова было 16 вёрст. Дорога была плохая, колёса то и дело застревали в глубоких колеях. Наконец мы подъехали к усадьбе. На крыльцо выбежала молоденькая приветливая девушка, Маша, как я потом узнала, помощница в домашнем хозяйстве, а за ней — старая кухарка Марьюшка. Та и другая были коренными жительницами Мелихова. В передней меня встретил ласковым упрёком Антон Павлович: «Давно мы вас ждали, а вы целый год нас обманывали!»

Когда я увидела Антона Павловича, у меня весь страх прошёл — до того было мило и ласково выражение его внимательно глядящих глаз. От всей его высокой, стройной, сухощавой фигуры веяло таким родным и невероятно простым Чеховым. Одет он был в домашний серый пиджак с чёрным бархатным жилетом, его чёрный галстук был повязан небрежно, но всё производило впечатление изящества и простоты.

В столовой нас радушно встретили старички: мать Чехова, Евгения Яковлевна, и отец, Павел Егорович.

Первые годы в Москве я так томилась без семьи и без домашнего уюта, а здесь, в Мелихове, всё мне напомнило родной дом.

В небольшой столовой с дешёвыми обоями под дуб ждал нас горячий ужин. После дороги по холоду щи показались мне очень вкусными. Им предшествовало угощение шинкованной капустой с селёдкой и грибами, которые солил Павел Егорович.

Заметив, как я радуюсь всему окружающему, Антон Павлович в первый же вечер нашего знакомства принёс мне после ужина письма Льва Николаевича Толстого. С каким благоговением я брала их в руки! Всё казалось мне сном.

Мои поездки в Мелихово вскоре начали учащаться, а потом уже я каждую субботу, а когда кончились занятия в школе, то и на все праздники уезжала в Мелихово.

По понедельникам мы с Марией Павловной обычно вставали в пять часов утра, чтобы успеть в Москву. Мне надо было быть к девяти часам утра в школе, где я обучалась рисованию, а Марии Павловне — на урок, в гимназию.

В Мелихове жизнь шла горячо, в работе. Особенно много Антон Павлович работал зимой. Вставал он рано, до утреннего чая принимал больных, которых всегда было с избытком, потом садился за свою литературную работу.

Антон Павлович любил, чтобы все вокруг жили, работали, творили. Мы с Марией Павловной очень увлекались живописью и рисунком; в Мелихове мы не теряли ни одной минуты. Приводили из деревни детвору — позировать нам — и с жаром рисовали, делали наброски. Антон Павлович любил бывать в нашей «студии», как мы называли комнату Марии Павловны. Сядет в уголке на диване — тишина, топится камин, поёт сверчок.

Поэзия деревенской жизни не нарушалась и тем, что дом был старый, тепло быстро выдувалось; от пола несло холодом до тех пор, пока комната не нагреется керосиновой лампой-молнией, стоявшей на полу (другая такая же лампа освещала комнату). По утрам особенно было холодно вставать с постели...

Вечера в нашей «студии» выглядели примерно так. Мы с Марией Павловной быстро делаем наброски, целиком поглощённые своим занятием. Любимые собаки Антона Павловича, две таксы — «Бром Исаевич» и «Хина Марковна», — растянулись у камина. Антон Павлович время от времени что-то пишет в своей записной книжке, которая всегда была при нём. Хотя Антон Павлович молчит, но в его присутствии нам работается лучше, живее. Посидев некоторое время, Антон Павлович, бывало, быстро встанет и уйдёт к себе в кабинет. В восемь часов вечера звали ужинать.

Евгения Яковлевна и Павел Егорович ложились рано; Антон Павлович засиживался за работой далеко за полночь.

Никто не мешал ему работать в Мелихове, когда не было посторонних, — тишина, деревья перед окнами, одинаково красивые в зимней одежде и весной, в нежной зелени.

Антон Павлович любил наблюдать перелёт птиц. В перерыве работы подойдёт к окну, улыбнётся, увидев какого-нибудь щегла, радостно подзовёт всех посмотреть. Деревья, небо, птицы были для него радостью. Жизнь среди природы освежала его, облегчала его творческий труд.

Кабинет Антона Павловича был очень небольшой. Два окна выходили в сад; в комнате стояли письменный стол, несколько венских стульев, старинный шкаф с книгами, затянутый под стеклом тёмной материей, шкафчик с медикаментами, часть которых стояла на окне из-за нехватки места в аптечке, небольшая библиотека — собрание классиков.

Чехов научил меня ценить Лермонтова, давал читать и других авторов. Но, увидев в руках у меня свои произведения, он сейчас же приносил мне Тургенева или Флобера.

— Лучше прочтите вот это, — говорил он смеясь.

Однажды он вдруг задал вопрос:

— Отчего вы не пишете? Попишите усиленно, чтобы мозоли были на пальцах, и будете писательница. И я вам помогу. Пишите не по настроению, а каждый день с утра, не меньше шести часов в день — и через три года будете писать.

Ничто не останавливало наших поездок в Мелихово: ни грязь, ни слякоть, ни холод, ни тряская бричка и ветхая сбруя, из-за которой по дороге от станции кучер несколько раз слезает с козел, чтобы получше её связать. Когда едешь в Мелихово — всё нипочём, так ярко горит в душе огонёк милого дома.

Наскоро умоешься с дороги и опять идёшь в уютную столовую, видишь милые, приветливые лица. Сразу чувствуешь покой. Куда делись усталость и жизненные заботы!

Обыкновенно кто бы ни приезжал — привозил почту, захваченную попутно на станции Лопасня. Антон Павлович любил получать почту. Она была очень обильная:

газеты, журналы, какие у нас только выходили, много писем чуть не со всего света. Так было приятно раскрывать ещё клейкие новые журналы, из писем узнавать новости о друзьях. Все домашние наперерыв спрашивают:

— Когда приедут Лидия Евстафьевна, Варвара Аполлоновна[1], Левитан? — Это были любимые гости всей семьи.

Особенно ждали почту в осенние вечера. Но если её привозили во время ужина, то, пока он не кончится, письма лежали под рукой Антона Павловича нераспечатанные. С волнением следишь за конвертиками: нет ли письма и мне? Смотришь, Антон Павлович отложил стопку писем себе и кому-нибудь из домочадцев, а мне — нет. Разочарованно грустишь — все читают, сообщают новости. А под конец Антон Павлович улыбнётся, протянет мне руку с письмом и скажет:

— Это вам.

Если письмо было из моего родного дома, Антон Павлович давал мне его читать лишь утром; письма из дома приходили всегда невесёлые, и он, зная это, не хотел, чтобы я на ночь расстраивалась. Письма особенно долгожданные от меня скрывались, незаметным образом уносились, пока мы сидели за столом, и прятались у меня под подушкой. Пойдёшь спать с грустью, что нет письма, и вдруг неожиданно из-под подушки выскочит дорогой конвертик. В комнате одна, на свободе переживаешь хорошие минуты.

Работы у Антона Павловича, помимо писательской, было немало. Он был земским деятелем в Серпуховском уезде, принимал у себя дома больных — и трудная жизнь множества людей была ему видна и ясна, он каждый день соприкасался с ней.

Где бы ни жил Антон Павлович, везде он старался всеми способами вносить культуру в жизнь. Он построил на свои средства в Серпуховском уезде три школы и убеждал своих знакомых собирать деньги для школ. Как-то я собрала среди небогатой интеллигенции по двугривенному с человека — всего тридцать рублей. С какой радостью я их везла Антону Павловичу, чтобы его порадовать хоть маленькой суммой. И я была так счастлива, когда Антон Павлович с весёлым лицом принял эти небольшие деньги.

Каждое утро, ровно в шесть часов, приходили к нему крестьяне из мелиховской деревни и ближайших селений со всеми своими болезнями, горестями и нуждами. Всех терпеливо выслушивал Антон Павлович, и видно было, что каждое горе он переживал глубоко. Он узнавал, кому нужна была медицинская помощь, кому нравственная или денежная поддержка, и ни в одном случае не проходил мимо. Знавшие его, от мала до велика, искренне любили Антона Павловича и относились к нему с глубоким уважением. К каждому человеку он умел подойти и понять его. Особенно трогало его пациентов то внимание к душевному состоянию больного, которое он оказывал каждому, входя в его личную жизнь.

Наступила весна 1896 года. Уже в марте появились в мелиховском доме пакетики с семенами на столах. Заманчиво лежали красочные каталоги семян, рассады, саженцев для сада и огорода. Мария Павловна любила покупать семена с новыми названиями: все интересовались, какие же распустятся цветы. Ещё с осени заготовлялись ящики с землёй. Все это делалось руками самой Марии Павловны. В апреле на столах и окнах, в ящиках под стеклом, покрытым росой, сквозила зелень, тревожа всех живым ощущением приближающейся весны. Вся семья наблюдала за каждым ростком будущего сада и огорода. Антон Павлович относился ко всему растущему с радостным любопытством.

Жизнь в доме весной и летом начиналась рано, в пять часов. Ещё роса не сошла, а Антон Павлович — уже в саду, совсем одетый, с лейкой, поливая свои любимые розы или заботливо обирая гусениц. В шесть часов утра под окнами слышался сдержанный разговор больных. В восемь часов утра все собирались к утреннему чаю. Антон Павлович обыкновенно наскоро пил кофе и уходил в свой кабинет работать. Вскоре вся семья также оставляла столовую, и каждый шёл по своим делам. А работы было много

---

[1] Лидия Евстафьевна Мизинова — приятельница Марии Павловны и Антона Павловича, певица. Варвара Аполлоновна Эберле — певица из московского оперного театра Зимина.

в этом доме: кто идёт полоть огород или цветник, кто — приготовлять лекарства по просьбе Антона Павловича.

Мать Чехова заботилась по хозяйству. Павел Егорович Чехов с любовью смотрел за огородом и садом, следя, где надо подпереть тяжёлую ветку яблони, где почистить дорожки. Гости во всём принимали живое участие. Один Антон Павлович почти не показывался до обеда из своего флигеля, где он работал летом. В то время он писал «Чайку».

После усиленной работы Антон Павлович любил устраивать разные шутки. Однажды к вечеру — было уже почти совсем темно — я сидела у террасы, стараясь дочитать, несмотря на сумерки, что-то интересное и страшное. Вдруг в аллее, ведущей от флигеля к дому, показался какой-то тёмный силуэт. На фоне белых, в цвету, вишен и яблонь, в какой-то странной позе, со скрюченными руками и ужасной гримасой, человек шёл прямо на меня. Это было так неожиданно и страшно, что я не сразу сообразила, кто это, пока Антон Павлович не рассмеялся.

Как-то днём я писала красками в саду кусты сирени. Вдруг я услышала за спиной шаги, и передо мною прошёлся, заслоняя мою натуру, Антон Павлович такой походкой ферта-парижанина, в прекрасно сшитом костюме, синем берете, как носят французы, и с тростью в руке. Он прошёлся несколько раз, мешая мне писать. Это было сделано с таким юмором, что я невольно рассмеялась. Костюм этот был вывезен из Парижа и надевался только ради шутки.

Антон Павлович всегда выдумывал что-нибудь неожиданное. Как-то раз после сытного обеда с гостями он, как всегда, ушёл к себе отдохнуть, а мы расположились на террасе в плетёных креслах. Жара стояла адова, когда одолевает такая лень, что невольно впадаешь в дремоту. И вдруг с шумом распахнулась стеклянная дверь из гостиной, и гордо, спокойной походкой, виляя хвостиком, показался «Бром Исаевич». Его чёрная мордочка была расписана белилами в необычайно весёлую, смешную улыбку, что совершенно не соответствовало его важной походке. За ним сонно, вяло, только что пообедав, плелась, переваливаясь, его супруга, «Хина Марковна», такса темнокоричневой масти, с такой же накрашенной, необычайно весёлой и игривой гримасой. Это было так неожиданно и смешно, что мы хохотали до слёз. Не успели мы от смеха прийти в себя и сообразить, кто мог быть автором этой проделки, как, к нашему общему удовольствию и удивлению, так же неожиданно показался в дверях весело смеющийся Антон Павлович. Он был очень доволен, что его шутка удалась и вызвала у нас такой дружный и продолжительный смех. После обеда прошло порядочно времени, мы были убеждены, что Антон Павлович уже видит десятый сон, и никак не предполагали, чтобы он, с его серьёзностью, да ещё в такую жару, занимался подобной «живописью»! Теперь я только поняла, почему он ещё с вечера попросил у меня красок, будто бы для того, чтобы выкрасить у себя в комнате подоконник.

Конечно, эта любовь к весёлой шутке нисколько не уменьшала серьёзности его отношения к людям — не только в литературе, но и в обыденной жизни. Старушки-крестьянки, приходившие жаловаться, что их донимают домашние попрёками за непригодность к работе, всегда находили у Чехова какое-нибудь лёгкое дело и помощь. Из домов, где жилось особенно трудно, к Марии Павловне приходили ребятишки. Им поручали выдёргивать траву среди усыпанных песком дорожек. Обычно вместо этого детвора деловито строила на дорожках загончики из песка для красных жучков, изображавших стадо коров.

Антон Павлович очень любил наблюдать за их детской игрой. При виде детей его глаза приветливо улыбались. Его шутливые замечания доставляли детям большое удовольствие.

Чеховы знали в Мелихове всех обездоленных наперечёт. Деревня была небольшая, и все в доме Антона Павловича старались облегчить жизнь крестьян кто чем мог.

Усадьба Чехова лежала на ровном месте, без каких-либо особенно красивых уголков. Небольшой старый одноэтажный дом, выкрашенный жёлтой, уже потемневшей охрой, с парадным ходом, застеклённым цветными стёклами. По другую сторону дома находилась терраса, перед которой была расположена круглая большая клумба с резс-

дой, душистым горошком, табаком. За большой клумбой были посажены полукругом любимые розы Антона Павловича, около самого балкона, по обе стороны крыльца, — две грядки гелиотропов, посаженных тоже по просьбе Антона Павловича (как он сказал — «для темпераментных гостей»). Дальше, за цветником, шла коротенькая со скамеечками липовая аллея и ряд елей и сосен. Между флигелем и домом был разбит небольшой фруктовый сад.

Окна флигеля, где работал Антон Павлович, выходили во фруктовый сад — это было красиво и, кроме того, в летний кабинет Антона Павловича не попадало ни пылинки. Комнаты во флигеле убирала своими руками Мария Павловна, поддерживая всё в самом строгом порядке, особенно письменный стол. Там же, в кабинете Чехова, стоял турецкий диван для отдыха. Другая комната, запасная, на случай, если съедется много гостей, служила для ночлега. Кухня стояла в стороне от дома.

Вся усадьба замыкалась большой лужайкой, обсаженной старыми плакучими берёзами, под которыми водились белые грибы, а дальше вместо забора были ещё посадки молодых елей, где в изобилии водились рыжики. Антон Павлович очень любил собирать рано по утрам грибы.

За воротами — к выходу в поле — была скамеечка, где по вечерам часто сидел Чехов, если только у него для этого находилось время (что случалось больше, когда кто-нибудь был из гостей). Вдали, где шла дорога на станцию, виднелся перелесок — ольха, берёзки, кустарник. По левую сторону дороги был небольшой пруд, вроде копанки с глинистыми вязкими берегами, куда пущены были караси. Антон Павлович очень охотно удил рыбу, но и за этим удовольствием его приходилось видеть очень редко. Пруд был ещё молодой, некрасивый, недавно посаженные ивы еле давали тень. На берегу скромно стояла обтянутая рогожкой купальня на одного человека.

Деревня примыкала к усадьбе почти вплотную, деревня убогая, без садов, без зелени, только и было красок, что от красующейся на частоколах стираной одежды. На краю стояла каменная, но обветшалая церковь. На паперти, на припёке, меж разрушенных плит торчала высохшая полынь, на могилах тоскливо торчали поломанные кресты.

Антон Павлович иногда уезжал за шесть вёрст в мужской монастырь, когда там бывали большие базары, по престольным праздникам. Он привозил деревенским детишкам гостинцы: девочкам — копеечные куколки, мальчикам — лошадки на колёсиках. Оборвётся ли у куколки фартучек, приклеенный клеем, и уже какая-нибудь девчушка стоит у окошка Антона Павловича с просьбой починить. Антон Павлович отрывается от работы, берёт синдетикон и терпеливо приводит в порядок отставшее или сломанное. К большим праздникам Мария Павловна шила детворе из весёленьких цветных ситчиков платьица, — на это время всегда находилось.

Чехов в тиши Мелихова подолгу работал в одиночестве и обычно бывал рад, когда приезжали гости. Сам он не любил бывать в гостях, а банкетов и больших выездов терпеть не мог. Я не помню ни одного случая, чтобы Чехов ушёл в гости. Но все пользовались радушием его дома и все стремились к нему. Никого он не подавлял своим авторитетом, все чувствовали себя с ним просто. Гости, приезжавшие на несколько дней, до обеда проводили время как хотели: кто читал, кто гулял, художники шли на этюды.

В гостиной стоял рояль. Антону Павловичу было приятно работать во флигеле, когда издалека доносилась музыка.

В час дня был обед, вкусно и просто приготовленный старой кухаркой Марьюшкой. Павел Егорович благодушествовал, глядя на гостей, вкушавших его соленья и маринады. Обед всегда проходил оживлённо. Все интересовались садом, какие новые цветы расцвели, Антон Павлович объявлял, сколько бутонов на его розах, и говорил, что к вечеру обязательно распустится несколько роз лучших сортов.

Все мы могли беззаботно радоваться от всей души весеннему утру, цветам. Один Антон Павлович часто бывал тогда озабочен; слишком тяжёлым камнем легла на душу его поездка на Сахалин. И не только это тяжёлое впечатление не изглаживалось, было ещё много другого — всё мелкое, всё грубое вызывало у него отвращение, не давало ему спокойно жить и делало его печальным. Как-то раз, в порыве веселья, я сказала:

— Как я хочу счастья!

Антон Павлович посмотрел на меня и сказал:

— Нельзя быть счастливым, пока столько страданий кругом.

Большую терпеливость и мягкую снисходительность Чехова к людям я объясняю себе тем, что он считался с теми условиями, в которых людям приходится жить.

Но он умел и негодовать на людей. Всякая грубость, жестокость и обида, нанесённые слабому человеку, глубоко возмущали его. В этих случаях он пытался найти способ улучшить положение, входя в особенности человеческой жизни. Как-то пришёл крестьянин к Антону Павловичу с жалобой на жену, что у неё дурной характер: «Просто житья с ней нет» — и просил Антона Павловича, чтобы он повлиял на жену. В деревне всем были известны свирепый нрав и нервность жалобщика, от которого невероятно страдала вся его семья. Не раз приходила и его жена — бледная, худая, с глубокими морщинами на лице, хотя ей было всего лишь сорок лет. Все её очень жалели в деревне. Антон Павлович придумал, как дать им отдохнуть друг от друга: посоветовал ему отправиться в Киев. Антон Павлович вообще придавал большое значение для нервных больных перемене места, природе, дорожным впечатлениям, отдыху от трудного домашнего быта. Всё это должно было благотворно повлиять на нервнобольного. В деньгах Антон Павлович помог ему на это путешествие, что особенно смягчило и умилило душу строптивого крестьянина. А заодно Чехов дал возможность отдохнуть и его семье.

Чехов сам любил путешествовать и не раз уговаривал меня поехать в те места, которые особенно чем-нибудь его поразили, — например, в Бермамыт на Северном Кавказе — и обязательно с вершины горы увидеть восход солнца. Ещё он просил меня съездить на Соловецкие острова по Северной Двине и Белому морю. Он восторгался красотой этого пути и вдруг, в обычной своей шутливой манере, добавил:

— Только если встретите на пароходе почтового чиновника и влюбитесь в него, не выходите за него замуж.

Я не поехала ни на Кавказ, ни в Соловки и исполнила только одну его просьбу — поехать в Бабкино, под Москвой, где ещё совсем молодые Чеховы жили на даче в те годы, о которых с какой-то трогательной радостью вспоминала вся их семья. Я побывала там ещё при жизни Антона Павловича и своими рассказами освежила в его памяти молодые годы.

Гости в мелиховском доме не переводились: друзья, почитатели, поклонницы. В конце концов это начало утомлять Антона Павловича. До обеда всех принимала Мария Павловна, и, несмотря на всё радушие, это часто тяготило её, так как многие из приезжающих под каким-нибудь предлогом, чтобы повидать Чехова, были люди совершенно незнакомые и не подходящие к чеховскому дому по духу. Бесцеремонность ненужных посетителей порой удручала весь дом. От таких гостей все стремились как-нибудь спрятаться, уйти, и незваный гость оставался один. Был однажды такой случай, что одному назойливому гостю, которому сказали, что Чехов уехал на целую неделю, пришлось загородить в дверях путь в комнату Антона Павловича, где Чехов едва успел спрятаться за гардеробом; гость настойчиво желал осмотреть хотя бы жилище писателя, если уж нельзя посмотреть самого хозяина.

Особенно было трудно с поклонницами, которые осаждали Чехова. Одна из таких посетительниц, живя в двух верстах от Мелихова на даче, приходила очень часто и требовала особого к себе внимания, беспрерывно восторгаясь произведениями Чехова, его розами, и так утомляла его, что однажды Антон Павлович подарил ей одну из лучших своих роз, чтобы стушевать то досадливое и утомлённое выражение лица, которое она могла заметить при прощании; не удовлетворясь этим, он поспешил, не дождавшись её следующего визита, послать ей ранним утром в первое же воскресенье чудный букет роз, выбрав для этого в деревне старушку, которая бы отнесла цветы. Поклонница была так польщена вниманием знаменитого писателя, что, к великой радости старушки, дала ей за труды золотой — пять рублей. Чехов об этом узнал. После этого дама начала получать розы каждое воскресенье; постепенно щедрость её спустилась до одного рубля. Зато прекратились также и её визиты.

Совсем другое дело, когда приезжали любимые гости — литераторы, художники, освободившиеся от зимней работы артисты. Особенно близким другом чеховского дома была Лидия Евстафьевна Мизинова, необычайно красивая женщина с чудными пепельными волосами, всегда сильно надушенная, с сигареткой в зубах. Она училась петь в Париже и только что вернулась оттуда.

В её присутствии как-то все приободрялись, делались веселее. Антон Павлович тоже оживлялся при её появлении. Но не раз он с грустью говорил, что Лика стала уже не та, что была до отъезда в Париж.

— Как я её ревновал раньше,— говорил он, смеясь своим словам.

Все в доме любили Лику и радовались её приезду. Всех пленяла её красота, остроумие. Приезжала она внезапно, на тройке с бубенцами, серебром разливающимися у крыльца. Собаки с невероятным лаем и визгом выскакивали на звон бубенцов. Переполох в доме, все бежали навстречу. Приехала Лика! Весь дом наполнялся шумом, смехом. С нею приезжала Варвара Аполлоновна Эберле — оперная артистка. Юная, очаровательная своей двадцатитрёхлетней свежестью, блондинка с пышными косами, пела она божественно. Антон Павлович невольно оставлял свою работу, заслышав её пение, и шёл к нам послушать.

Обширный круг московских знакомых дополняли петербургские гости: среди них были писатели Мамин-Сибиряк и Потапенко, художник Браз, в то лето написавший портрет Антона Павловича, который находится сейчас в Третьяковской галерее.

После отъезда даже очень желанных гостей, когда водворялась тишина, Антон Павлович, бывало, скажет: «Приятно отдохнуть от гостей». Полушутя, конечно.

И даже Павел Егорович, до смерти любивший гостей, тоже в шутку добавит: «Слава богу, уехали!»

И опять Антон Павлович садится за работу. Приезд любимых гостей его несказанно радовал — только бы не слишком долго, — и после проведённых с ними дней он чувствовал себя отдохнувшим для продолжения своей работы.

Павел Егорович был религиозен. Каждое воскресенье вставал он рано и ездил к шести часам к ранней обедне за шесть вёрст в мужской монастырь, где был хороший хор. В такие дни он особенно бывал строг к себе насчёт принятия пищи, смотря по тому, выпал ли какой-либо пост. Великим постом он склонял поститься и Евгению Яковлевну и за обедом вполголоса, чтобы не слышал Антон Павлович, напоминал ей о великом грехе вкушать скоромную пищу в виде молока и масла, которые прописывал ей Антон Павлович. Слышался его тихий шёпот:

— Еничка, воздержись. Помни о страшном суде.

Но в присутствии Антона Павловича Евгения Яковлевна была в безопасности. Улыбнётся на грозные слова мужа и вкушает с лёгким сердцем благословенную Антоном Павловичем пищу. Для неё Антон Павлович был высшим судьёй и его заветы — священны. Антон Павлович был похож душевным складом на мать, необычайно тактичную и деликатную женщину. Он был любимым её сыном и сам относился к ней с нежной заботой и любовью.

Часто приезжал любимый брат Чехова — Иван Павлович, педагог одной из московских городских школ. Приезжал он всегда усталый; он принадлежал к людям на редкость прямым и честно относился к своему делу. Антон Павлович часто сетовал на долю учителя, на те условия жизни, при которых приходилось им работать. Особенно он жалел сельских учителей, живущих на маленькое жалованье, без газет, без библиотеки, далеко от города, с ужасными дорогами. Антон Павлович не только на свою школу выписывал газету, но иногда выбирал какую-нибудь глушь, не зная никого там в школе, и выписывал туда журнал или газету.

Однажды я ехала после рождественских каникул в Москву и по дороге, в поезде, встретила сельскую учительницу, дурно одетую, в замызганной шубёнке. Вид самый несчастный. В дороге, пока мы проехали несколько станций, она рассказала свою печальную, беспросветную жизнь. Жила она на шестнадцать рублей в месяц жалованья, которые, ко всем невзгодам, ещё и задерживали. Неприятности, всякие притеснения — то дров не добьёшься, то газет выписать не на что, да и небезопасно, сочтут за либералку. Я записала её адрес и рассказала о ней Антону Павловичу. Это было начало

января. Антон Павлович тотчас же дал мне денег с просьбой немедля выписать для неё журнал «Нива», как только я приеду в Москву.

Как-то в одно из воскресений было много гостей, и мы отправились в лес за грибами. Все были в прекрасном настроении. Антон Павлович шёл впереди, шутил, все смеялись. Погода была чудесная, благоприятная для дальней прогулки. Собрали много грибов и вернулись в самом весёлом настроении. Дома нам сообщили, что приходил сельский учитель с женой, живший в восьми верстах. Не дождавшись Антона Павловича, они попили чаю и пошли обратно. Как волновался Чехов весь вечер! Он всё не мог успокоиться, что дома не догадались отправить учителя с женой на лошади и что, может, они устали, уже не молодые, всё ещё идут и сейчас пешком.

После лета 1896 года, которое прошло так хорошо, я встретила Марию Павловну в Москве 18 октября очень взволнованную. Она сообщила мне, что «Чайка» провалилась накануне в Петербурге, где её ставили в первый раз. Она сообщила также, что Антон Павлович вернулся очень угнетённый и прямо поехал в Мелихово, не останавливаясь в Москве. Мария Павловна просила как можно скорее с ней ехать в деревню. Мы сейчас же поехали.

В Мелихове, в тиши, среди спокойной природы, всё происшедшее казалось суетностью. Все старались жить по-старому, но всё же остался тяжёлый осадок, ощутимый под ровным течением жизни. Так прошла зима.

Наступил 1897 год. И вдруг весной, в марте, у Антона Павловича пошла горлом кровь. Он перестал выходить вечером в сырую погоду. Ему стала неприятна промозглость очень ранней весны. Он часто жаловался, что хотел бы отдохнуть хоть год, ничего не делать: «Хорошо бы поехать в Ниццу...» Ему хотелось тепла, солнца.

Лицо его немного изменилось, похудело, он часто стал жаловаться на перебои сердца.

В Ниццу ехать нельзя было — у Антона Павловича никогда не было денег. Когда он особенно плохо себя чувствовал, то, зайдя к нам в комнату, где мы с Марией Павловной работали, говорил:

— Хорошо бы теперь пожить в Ницце! Вот Сенкевичу подарили имение, а мне дарят старинные медные блюда из раскопок, похожие на разбитую сковородку, или чернильницу,— и немного грустно засмеялся.

Все домашние горько переживали болезнь Антона Павловича. Пришла грустная весна. Доктора устроили Антона Павловича в клинике, пребывание в которой потом он вспоминал с хорошим чувством. Но после клиники он всё-таки неважно себя чувствовал. Состояние духа у него бывало часто угнетённое.

Осенью, по совету врачей, Антон Павлович уехал в Ниццу до осени 1898 года; он чувствовал себя неважно, но продолжал работать. Без него жизнь в Мелихове замерла. Все домашние жили в тревоге за его здоровье. Сначала из Ниццы приходили хорошие письма: Антон Павлович радовался солнцу, цветам, писал, что чувствует себя гораздо лучше в тёплом, сухом климате. Однажды очень ранней весной, когда у нас бушевали последние, с пронизывающим ветром метели, он трогательно прислал нам в Мелихово маленькую картонную коробочку с живыми цветами фиалок и ещё каких-то весенних цветов, не помню. Всё это пришло к нам в раздавленном виде, а проехав шестнадцать вёрст по морозу от станции до Мелихова, превратилось в заледенелый комочек, но внимательность, нежность Чехова тронули всех домашних. Вскоре праздная атмосфера Ниццы надоела Антону Павловичу, и совершенно неожиданно весной 1898 года он вернулся в Мелихово, раньше, чем его ожидали.

Вспоминаются мне минуты, когда Антон Павлович возвратился домой после долгого отсутствия. Как радовался он, завидя свою мать, стоявшую между всеми, старенькую, слабенькую, радостную. Отцу он поцеловал руку, и отец со слезами на глазах ответил ему тем же.

Лето прошло в заботах: пришлось продать Мелихово, так как, по совету врачей, Антону Павловичу необходимо было жить на юге. Решено было ехать в Ялту. В это время он продал свои произведения издателю Марксу и начал себе строить в Ялте дачу, куда вскоре и уехал. Вся семья ещё оставалась в Мелихове. Осенью, в середине октября, он получил телеграмму о смерти отца. Это известие его сильно опечалило, он очень

сожалел, что не был в это время дома, говорил, что он не допустил бы такого исхода болезни.

Семья переселилась в Ялту.

Исчезли родные, любимые серенькие пейзажи, убогая деревушка, где всё было для него близкое, родное, где он был так нужен. Ялту Антон Павлович не любил. Он мечтал пожить ещё под Москвой, где могли бы его навещать близкие друзья. Любил он среднюю полосу России и часто выражал своё мнение, что для больных туберкулёзом важно жить в том климате, где больной привык жить.

В ЯЛТЕ И В МОСКВЕ

Дача в Ялте была небольшая, но она красиво выделялась своей белизной на фоне дальних гор по дороге из Ялты к Алупке. Когда я приехала на пасхальные каникулы к Чеховым в Ялту, то вместо грязного пустыря, прежде окружавшего постройку, там красовался озеленённый сад и были уже разбиты цветники с яркими цветами и розами, особенно любимыми Антоном Павловичем. Вновь построенная ограда окружала уютный чеховский уголок. По дорожкам сада гулял Антон Павлович, за ним следовали любимые собачки: «Бром Исаевич» и «Хина Марковна», красовался и новый жилец чеховской дачи — аист, разгуливая на своих длинных ногах по усыпанным гравием дорожкам.

Внутри дачи было так же уютно, как в Мелихове. Дача была двухэтажная с мезонином наверху. Огромные окна кабинета Антона Павловича во втором этаже выходили на солнечную сторону, с видом на море. У окна стоял большой письменный стол, заваленный, как всегда, рукописями, газетами, письмами. Налево — турецкий диван. Весь пол был устлан большим ковром. Направо от входной двери в кабинет стояла этажерка с фотографиями друзей, книгами, статуэтками из слоновой кости. Над камином в небольшой нише висел пейзаж, изображавший вечер со стожками на лужайке, работы Левитана. За камином, в углублении в виде арки, находилась спальня Антона Павловича с большим окном и тоже с видом на море. У правой стены стояла кровать, у изголовья — столик, на котором лежала бумага, тут же находились свеча, спички и лекарства. Рядом с кабинетом Антона Павловича была комната матери, Евгении Яковлевны. По другую сторону от кабинета — столовая с большой стеклянной дверью, выходившей на балкон. На этом балконе по вечерам, любуясь на море, отдыхали Антон Павлович и вся семья Чеховых. Наверху, в мезонине,— комната Марии Павловны. В первом этаже была отведена комната для приезжающих гостей. В стороне от дома была кухня.

Я сказала, что Антон Павлович Ялту не любил. Она ему была особенно немила, когда он жил зимой один. Москва, где он прожил свои лучшие молодые годы, была его мечтой, о Москве он тосковал в Ялте. Но врачи категорически запретили ему жить не на юге. Особенно он томился, когда в Ялте была гнилая зима с хлопьями мокрого снега.

Одиночество, тишина в пустом доме, длинные вечера без людей — всё это угнетало Антона Павловича. Он не остался бы в этом городе, если бы с ним не была его старенькая мать, которую он очень любил. Одна она разделяла его одиночество. Иногда навещали его коренные ялтинцы — доктора Альтшулер и Елпатьевский; последнего Антон Павлович очень любил за его внимательное отношение к больным, которым трудно жилось. Чехов тяжело переживал своё бессилие как-нибудь облегчить жизнь таких больных, их было очень много. Когда мы с Марией Павловной приезжали в Ялту на рождественские и пасхальные каникулы, Антон Павлович не раз жаловался на своё зимнее одиночество в Ялте. Весна была много милее.

Одна весна в Ялте была особенно приятна Антону Павловичу — та весна, когда Художественный театр устроил в Севастополе постановку его «Дяди Вани» и «Чайки», чтобы не надо было ему ехать в Москву. Поездка в Севастополь очень оживила Антона Павловича, постановка его вещей ему очень понравилась. Мария Павловна и я тогда как раз гостили у Чеховых в Ялте. Некоторые артисты после спектакля приехали в Ялту. В доме Чехова вдруг стало необычайно оживлённо: в это время наехало ещё немало москвичей, знакомых Чеховых. Весна была чудесная, всё цвело и благоухало.

Все в доме повеселели и радовались, глядя на Антона Павловича,— он как будто чувствовал себя хорошо.

Артисты, писатели и художники приходили к Чеховым днём, в любимые часы для приёма гостей — к завтраку и к обеду. За столом всегда было весело и как-то невольно забывалось о болезни Антона Павловича — так много он смеялся, шутил и был необыкновенно обаятелен.

У меня часто спрашивают: почему в письмах Антона Павловича Чехова упоминается о передаче мне почтовых марок, вложенных в письма Марии Павловне. Это собирание Антоном Павловичем марок для меня началось по следующему случаю. Как-то на каникулы я ездила домой на юг и возвращалась обратно в Москву. Провожая меня на станцию железной дороги, мой одиннадцатилетний братишка, ученик 2-го класса гимназии, прощаясь, сунул мне в карман осеннего пальто что-то аккуратно завёрнутое в белую бумагу с просьбой передать эту вещь Антону Павловичу. Проезжая мимо станции Лопасня, я поспешила сойти и на несколько дней заехала в Мелихово к Чеховым. Только за ужином я вспомнила о подарке моего брата и передала его Антону Павловичу. Чехов развернул пакетик — там оказался небольшой журнальчик, размером в небольшую детскую книжку. Что там было написано, я уже не помню, но всё было очень тщательно, с любовью сделано, подражая настоящему журналу, со всеми его отделами. Видно было, как сильно хотелось маленькому автору сделать приятное Антону Павловичу.

Антон Павлович сейчас же послал ему свой рассказ «Каштанка» со своей надписью.

Как-то в феврале 1898 года, когда я гостила в Мелихове, пришли от Антона Павловича из Ниццы, где он был в то время, две посылки: одна Марии Павловне и другая на моё имя — посылочка величиной с кубический вершок, тщательно упакованная, зашитая. В посылочке, которая всех нас рассмешила своими игрушечными размерами, оказались почтовые марки со всех концов мира, откуда Антон Павлович получал письма. Всё это предназначалось моему братишке.

В Москве нанята была квартира. В неё переехала жена Антона Павловича, Ольга Леонардовна, там же поселились Евгения Яковлевна и Мария Павловна. Для каждого была отдельная комната. Кроме того, была ещё общая столовая и гостиная, где стоял рояль, неизменный турецкий диван, где, как всегда, сидя в своём излюбленном уголке, после работы и после обеда любил отдыхать Антон Павлович.

С вступлением в семью Чеховых Ольги Леонардовны к посетителям чеховского дома присоединились новые люди — родные и знакомые Ольги Леонардовны, тоже люди искусства. Мать Ольги Леонардовны — Анна Ивановна Книппер — была профессором пения в филармонии; брат — Владимир Леонардович — был студентом филармонии. В доме Чеховых я ни разу не встречала людей, ничего не делавших, бывали только люди труда и творчества в искусстве и в науке.

Мария Павловна, помимо уроков в гимназии, увлекалась живописью и занималась в студии художницы Званцевой и художницы Хотяинцевой под наблюдением известных уже в то время художников К. Коровина и Н. Ульянова. Она была очень талантлива. Антон Павлович находил в её живописи нечто сходное с его творчеством в литературе. Но, к сожалению, ей мало времени оставалось для искусства, так как она взяла на себя заботу о хозяйственном устройстве всей семьи и в Москве и в Ялте.

Итак, в жизнь семьи Чеховых вошли еще интересы, связанные с Художественным театром, где шли пьесы Антона Павловича. Ольга Леонардовна была очень занята, она участвовала почти во всех пьесах Чехова и Горького. С частыми приездами Антона Павловича в Москву все в доме почувствовали себя более счастливыми не только от его присутствия, но и от сознания, что он дома и не томится там, в Ялте.

Жизнь шла как будто хорошо: яркая, полная живых интересов, — если бы не мучила всех мысль о болезни Антона Павловича. Эта болезнь заставляла Антона Павловича осенью и весной, в самую дурную погоду, уезжать в Ялту. Театральная работа не позволяла Ольге Леонардовне уезжать с ним.

Однажды после обеда Антон Павлович торопился в театр, говоря, что ему необходимо видеть Немировича-Данченко. Он пригласил меня с собой. Всю дорогу Антон

Павлович был очень молчалив и озабочен, без своих обычных шуток. Когда мы вошли в фойе, то показался Немирович-Данченко, идущий навстречу,— я тогда ещё не была с ним знакома. Антон Павлович представил ему меня и вдруг говорит: «Представляю вам большую поклонницу вашего театра, приехавшую из Тифлиса». При этом он назвал меня княгиней такой-то, экспромтом придуманной грузинской фамилией. Он это сказал с каким-то особенным ударением и так серьёзно, что я чуть не фыркнула. Всё так же серьёзно Антон Павлович добавил: «Мы не могли достать билета на спектакль, поэтому прошу вас устроить нашу дорогую гостью получше». Сам Антон Павлович ушёл к Ольге Леонардовне, сказав Немировичу-Данченко, что встретится с ним за кулисами. К большому моему счастью, скоро должны были поднять занавес, и мне не пришлось говорить с Немировичем-Данченко о Грузии, где я никогда не была. Почтительно со мной раскланявшись, он ушёл к Чехову.

Как-то у Чеховых, когда они жили уже в новой квартире, был устроен большой вечер. Кажется, это был первый званый вечер в новой квартире и, как мне помнится, последний с таким большим собранием гостей. Были артисты Художественного театра, несколько литераторов, писатели Бальмонт, Гиляровский, Иван Бунин, Балтрушайтис, Брюсов, Леонид Андреев, люди науки. Все сидели в столовой за чайным столом. Вдруг в кабинете Антона Павловича раздался телефонный звонок. Антон Павлович поднялся, прошёл в кабинет и, быстро вернувшись, радостно сообщил, что сейчас придёт писатель Горький.

Когда вошёл Горький, Антон Павлович подвёл его ко мне и, представляя его, сказал: «Это Горький, а это писательница Микулич». После того как Горький раскланялся со всем обществом, Антон Павлович посадил его рядом со мной, а сам с улыбкой встал за моим стулом. Горький начал со мною разговор, принимая меня за Микулич, произведения которой мне не были известны. Он начал говорить, что ему очень нравится мой рассказ «Мимочка». Тут он запнулся — он не помнил, что делала Мимочка. Антон Павлович ему подсказал: «Мимочка на водах травится». Публика, зная, что я не Микулич, насторожилась, предвкушая какую-то выдумку Антона Павловича. Я, со своей стороны, старалась поддержать с Горьким разговор о Мимочке, не выдавая шутки Чехова, но, верно, не очень удачно, и Антон Павлович поспешил сказать: «Да это не Горький, а это не Микулич!» Я, горячась, начала убеждать Чехова, что отлично знаю Горького по его портретам, а Горький, в свою очередь, говорил, что узнаёт во мне по портретам Микулич и читал её произведения. В конце наших взаимных уверений я наконец сообщила Горькому, что то, что он Горький, я так же твёрдо знаю, как и то, что только в шутку Антон Павлович наименовал меня именем Микулич. Эта шутка очень рассмешила всех.

17 января 1904 года, в день именин Антона Павловича, состоялась с большим успехом премьера в Художественном театре пьесы «Вишнёвый сад». Я была на этом спектакле, Антон Павлович вышел на вызовы публики взволнованный, бледный. И хотя видно было, что он доволен, моё сердце сжалось от боли, когда я увидела его исхудавшее, измученное лицо. Скорбь и печаль, охватившая мою душу, была и в сердцах других — она чувствовалась в напряжённости притихшего зрительного зала.

К весне Антону Павловичу становилось всё хуже. Начались дорожные сборы Антона Павловича. По назначению врачей он должен был уехать в Баденвейлер вместе с Ольгой Леонардовной.

Месяца два, если не больше, остававшиеся до отъезда, я не бывала у Чеховых, чтобы не утомлять Антона Павловича. Но однажды, узнав по телефону, что Антон Павлович скоро уезжает, я оставила свои колебания и решила тотчас пойти к Чеховым, не откладывая ни минуты. Было около двенадцати часов дня. Я спросила горничную Машу, как себя чувствует Антон Павлович. Маша сказала, что последние дни очень плохо. Дверь в комнату Антона Павловича была полуоткрыта. Хотя мы говорили вполголоса, Антон Павлович спросил: «Кто там?» Услыхав от Маши, что это я, он меня принял.

Когда я вошла в комнату, то была поражена той переменой, которая произошла в Антоне Павловиче за эти четыре месяца после премьеры «Вишнёвого сада». Лицо его стало бледное, с желтоватым оттенком, кожа лица обтянулась. Его добрые глаза были без улыбки, какая была в них всегда раньше. Антон Павлович лежал на постели в белом белье, на высоко поднятых подушках, закрытый до пояса тёплым пледом. У меня подступили к глазам готовые прорваться слёзы. Антон Павлович попросил меня сесть, указывая на стул у его постели: стул был занят его платьем и ещё чем-то, и сесть было негде. Я так расстроилась и так растерялась при виде той перемены, которую произвела болезнь в облике человека, что от жалости к нему, не помня себя от душивших меня слёз, я просто опустилась на колени около его кровати. Он молча, ласково провёл по моим волосам рукой. Боясь, что не удержусь и разрыдаюсь, если произнесу хоть одно слово, я встала, едва успев взглянуть на него, пожала молча его исхудалую руку и быстро вышла из комнаты, так и не сказав ни одного слова.

В июле 1904 года мне пришлось быть далеко от Москвы, в лесных местах по реке Ветлуге; я гостила в семье земского врача. 15 июля были именины, на которые съехалась местная интеллигенция. Среди собравшихся было много врачей, работавших в глуши, без дорог, без лекарств, без необходимых хирургических инструментов, на что так часто сетовал Антон Павлович в своих рассказах. Были земские деятели, студенты из столиц, учёные, приехавшие отдохнуть на летние каникулы на берега Ветлуги. Вспоминали Чехова, все высказывали надежду, что лечение продлит ему жизнь. День выдался чудесный. Праздник был устроен в лесу, на лужайке.

В конце дня, когда начало садиться солнце, по дороге из леса показался почтальон. Все радостно кинулись ему навстречу. Разбирали почту: письма, газеты, читая их на ходу. Вдруг в одной развёрнутой газете бросилась в глаза чёрная траурная рамка во всю страницу. Чей-то голос, ошеломивший нас всех, произнёс: «Умер Чехов». Веселье сразу оборвалось. Все сразу поднялись, скорбь охватила нас, водворилась минутная тишина. Уже вечерело. Небо нахмурилось, в лесу стало темно. Начали капать крупные капли дождя. Все вдруг заспешили, матери начали беспокойно собирать детей, разбежавшихся по кустам. Эти сборы происходили при гробовом молчании. О Чехове никто не мог говорить, так были подавлены этим известием, — тяжёлым камнем легло оно на душу каждого. Мы стали спешно разъезжаться по домам, почти не простясь друг с другом. У всех была одна скорбная мысль: Чехова нет. Чехова не стало.

Москва. Декабрь 1951 года.

Комментарии

Мария Тимофеевна Дроздова (1871–1960) – художница, педагог. С 1894 по 1902 год училась в качестве вольнослушательницы в вечерних классах Строгановского училища. В 1907 году на протяжении месяца училась живописи в Париже в Академии Коларосси.

С 1898 и до 1917 года преподавала рисование: вначале в частной гимназии Воскресенской (с 1906 года – В. В. Потоцкой) и пансионате Е. Н. Дюлу. С 1901 года в Тверском 1-м Петровском училище; с 1906 г. – в 1-м Арбатском женском городском училище; с 1913 года в Смоленском 4-м женском городском начальном училище; с 1914 года — в Пятницком 7-м женском городском начальном училище.

В 1954 году в «Новом мире» был опубликован переработанный текст воспоминаний М. Т. Дроздовой, первый вариант которых написан в 1940 году, дополнен в 1951 году.

Помню холодный осенний вечер… – Достоверных свидетельств о первом приезде М. Т. Дроздовой в Мелихово нет. Первая запись в дневнике отца А. П. Чехова с упоминанием художницы относится к 8 января 1896 года и сделана рукою самой Дроздовой «…Маша и Мария Тимофеевна в 5 ½ часов вечера уехали в Москву, в надежде опять возвратиться в Богоспасаемое Мелихово на масленице» (Мелиховский летописец: Дневник Павла Егоровича Чехова / Сост. А. П. Кузичева, Е. М. Сахарова. М., 1995. С. 130).

…старая кухарка Марьюшка – Беленовская Мария Дормидонтовна (1926–1908) — кухарка Чеховых, служившая в их семье около 20 лет.

…любил бывать в нашей «студии»… – В 1896 году А. П. Чехов отдал сестре свой кабинет под занятия живописью, а сам занял ее комнату. 17 марта 1896 года П. Е. Чехов записал в дневнике: «Перебрались в комнаты: Маша в Кабинет, а Антоша в спальню Маши» (Мелиховский летописец. С. 135).

… *почту, захваченную попутно на станции Лопасня…* – Почтово-телеграфное отделение в с. Лопасня, недалеко от станции, было открыто 2 января 1896 года по инициативе А. П. Чехова и местной интеллигенции.

Лидия Евстафьевна – имеется в виду *Мизинова Лидия Стахиевна* (1870–1939) в конце 1880-х годов окончила Высшие женские курсы профессора В. И. Герье и стала преподавательницей в начальных классах частной женской гимназии Л. Ф. Ржевской, где познакомилась с М. П. Чеховой, в 1889 году познакомившей ее с семьей. Помимо преподавания в гимназии, давала частные уроки французского языка. Впоследствии Мизинова служила в Московской городской думе, занималась переводами с немецкого, пробовала стать модисткой, оперной певицей. В 1900-х годах служила статисткой в

Московском художественном театре, где познакомилась с будущим супругом – режиссером А. А. Саниным (Шенбергом).

Варвара Аполлоновна – Эберле Варвара Аполлоновна (1870–1941) – артистка оперы (сопрано), драмы, камерная певица. Эберле в Мелихове была с 14 по 19 августа 1896 года вместе с Л. С. Мизиновой и участвовала в праздновании именин сестры писателя (15 августа) (См.: Мелиховский летописец. С. 153–154).

Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – с 1873 по 1885 год учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества в классах В. Г. Перова, А. К. Саврасова, В. Д. Поленова.
Академик Императорской Академии художеств (1898).
С А. П. Чеховым познакомился через Н. П. Чехова в 1879 – начале 1880-х годов. И. И. Левитан часто встречался с Чеховыми в Москве, в 1885 и 1886 проводил с ними летнее время в Бабкино и его окрестностях, неоднократно бывал в Мелихове, приезжал в Ялту. Достоверных свидетельств об одновременном пребывании Дроздовой и Левитана нет.

Антон Павлович иногда уезжал за шесть вёрст в мужской монастырь… – Вознесенская Давыдова пустынь — мужской монастырь, основанный в 1515 году.

Бермамыт (устар.) – Большой Бермамыт – вершина в составе Скалистого хребта на северном склоне системы Большого Кавказа. Расположена в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесии в 3 км от села Хасаут. Высота над уровнем моря – 2592,3 м.

Бабкино – село в Воскресенском уезде Московской губернии, где три лета с 1885 по 1887 год провели на даче Чеховы, арендуя её у А.С. и М. В. Киселёвых.

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912) (наст. фам. Мамин) – русский писатель, драматург.

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) – русский прозаик и драматург.

Браз Иосиф Эммануилович (1873–1936) – художник. Окончил Одесскую художественную школу с большой бронзовой медалью, учился в Мюнхене, Париже и Амстердаме. В 1895 году поступил в Академию художеств, где учился в мастерской И. Е. Репина. В 1896 году получил диплом петербургской Академии художеств и звание классного художника, а также был удостоен премии Московского общества любителей художеств.

7 июня 1897 года А. П. Чехов писал художнику: «Многоуважаемый Иосиф Эммануилович, я приеду в Одессу в августе, если со мной не случится чего-нибудь особенного.

Теперь, после того как мы перебрали в письмах все города, позвольте пригласить Вас к себе в деревню. Приглашаю Вас тем смелее, что путь в Херсонскую губ<ернию> лежит через Лопасню, и скорый поезд останавливается на нашей станции. Ранее у меня не хватало смелости пригласить Вас, так как местность, в которой я живу, самая скучная во всей России и в моем доме нет ни одной хорошо освещенной комнаты. Есть одна комната с тремя сплошными окнами на север, в которой даже работали художники, но Вы едва ли одобрите ее, так как, насколько я понимаю, ее три окна освещают человеческое лицо не так, как это нужно для портретиста. И все-таки, несмотря на всякие неблагоприятные условия, я приглашаю Вас. Кто знает, доберусь ли я до Одессы, буду ли зимой в Петербурге, а тут, быть может, Вы взглянете на комнату с тремя окнами не так строго, как я, и, быть может, Вы согласитесь писать меня в соседней усадьбе, где в наше распоряжение отдадут громадную залу. Решайте, но, конечно, решайте, как для Вас удобнее, не забывая, что я свободнее Вас (у меня теперь нет никакой работы). Если решите окончательно в Одессу, то буду каждый вечер ложиться спать с мыслью, что мне нужно ехать в Одессу, — хотя, кстати сказать, это скучнейший город. Из Одессы поеду потом в Ялту.

Во всяком случае, если поедете в Херсонскую губ<ернию> на скором поезде, то телеграфируйте за 2–3 дня до отъезда (Лопасня, Чехову), я приеду на Лопасню, чтобы повидаться с Вами.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пожать руку.

А. Чехов.

Здоровье мое поправилось, физиономия приняла свой прежний вид» (П. 7, 8–9).

И. Э. Браз приехал в Мелихово 5 июля и уехал 22 июля 1897 года (см.: Мелиховский летописец.. С. 191, 194). В то лето художник работал над первым вариантом известного портрета, который впоследствии был утрачен. Над вторым вариантом, что поныне хранится в Государственной Третьяковской галерее, Браз работал в марте 1898 года в Ницце.

«Слава богу, уехали!» – Дроздова настаивает на шутливой интонации П. Е. Чехова, от которого она, возможно, неоднократно слышала эту фразу. Однако записи в дневнике отца писателя позволяют усомниться в иронической интонации (см. например: «Апрель 1897 года. <…> 18. Утро ясное +2о. Слава Всевышнему, уех[али] 2 толстые дамы»; «Май 1897 <…> 31. <…> Барышня Дроздова уехала, жила 20 дней»; «Февраль 1898 года. <…> 12. <…> Все ели блины. <…> Дроздова съела 10 блинов, Коля 6, Маша 4 блина» (Мелиховский летописец. С. 180, 186, 220)).

Вот Сенкевичу подарили имение… – Как отмечала М. П. Чехова, знакомая с первым вариантом мемуаров, автор смешала подарки после постановки «Вишневого сада».

Чествование Генриха Сенкевича в связи с 25-летием его литературной деятельности отмечалось в 1901 году, в Польше это событие приняло характер

национального торжества. Сенкевич в день юбилея получил от Польши дар – имение, купленное на деньги, собранные по подписке. Сомнительно, что Чехову принадлежит эта фраза, скорее всего, М. Т. Дроздова позаимствовала ее из воспоминаний Н. Д. Телешова о Чехове (Ср.: *Телешов Н. Д.* Встречи с А. П. Чеховым // Литературные воспоминания. М., 1931. С. 89).

Лето прошло в заботах… пришлось продать Мелихово… – А. П. Чехов в последний раз был в Мелихове 25 августа 1899 года, продажа имения затянулась фактически до осени 1903 года.

Продал свои произведения издателю Марксу… – Маркс Адольф Фёдорович (1838 –1904) – основатель издательства (1869), позднее – акционерного общества «Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркс», издатель иллюстрированного журнала для семейного чтения «Нива» (с 1870).

В конце января 1899 года Чехов заключил договор с Марксом, по которому он продал ему в полную литературную собственность все свои сочинения, напечатанные до 26 января 1899 года, сроком на 20 лет.

Хотяинцева Александра Александровна (1865–1942) – художница, карикатуристка. Окончила Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где получила медаль и свидетельство на право преподавания рисования. В 1894–1901 годах училась в Императорской Академии художеств у И. Е. Репина, затем в Париже в художественных студиях Л.-О. Мерсона и Р. Коллена. В 1900-х годах вместе с Е. Н. Званцевой создала в Москве Художественную мастерскую, в которой преподавали живописцы В. А. Серов, К. А. Коровин и Н. П. Ульянов.

С Чеховым познакомилась в 1897 году, через сестру Марию Павловну, которая занималась в вечерних классах Строгановского училища, там встретилась с Хотяинцевой и вскоре с ней подружилась. Хотяинцева неоднократно гостила у Чеховых в Мелихове.

В Москве нанята была квартира – видимо, имеется в виду квартира 14 в доме Шишкова (ныне – Малая Дмитровка, д. 11). Чехов нанимал её с конца апреля 1899 года до 10 декабря 1900 года.

Книппер Ольга Леонардовна (1868 – 1959) – актриса Московского Художественного театра с 1898 года, с 1901 года жена А.П. Чехова. исполняла ведущие роли во всех основных пьесах Чехова: Аркадина («Чайка»,1898), Елена Андреевна («Дядя Ваня», 1899), Маша («Три сестры», 1901), Раневская («Вишнёвый сад», 1904), Сарра («Иванов», 1904).

Немирович-Данченко Вл.И. (1858–1943) – русский и советский театральный режиссёр, педагог, драматург, писатель, театральный критик; основатель Московского Художественного театра вместе с К.С. Станиславским.

Пешков Алексей Максимович (Максим Горький) (1868–1936) – поэт, прозаик, драматург, журналист, общественный деятель и публицист.

Микулич – Веселитская Лидия Ивановна (1857–1936) – писательница, мемуарист, переводчица, автор популярной трилогии «Мимочка-невеста» (1883), «Мимочка на водах» (1891), «Мимочка отравилась» (1893). Печаталась под псевдонимами — В. Микулич, Л. Чернавина.